

Научные форумы

Всероссийская научная конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы»

Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики

Дробижева Леокадия Михайловна —
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра
исследований межнациональных отношений
Института социологии РАН

e-mail: drobizheva@yandex.ru

Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики

Аннотация

Автор показывает, как изучение социальных практик корректирует мифы об этничности в условиях глобализации, а также отсутствие политики в этнически маркированном российском пространстве. Показывает опасность оценки ксенофобии только на основе проявлений экстремизма.

Abstract

The author shows how the study of social practice helps to revise myths of ethnicity in the context of globalization. The article draws attention to the absence of a consistent policy in the ethnical Russian space. It shows dangers related to the assessment of xenophobia only on the basis of extremism.

Ключевые слова: этнические предубеждения, этничность, этническая маркировка социального пространства, гражданская идентичность

Keywords: ethnic prejudices, ethnic ethnicity, social space, marking civil identity

Российские ученые не раз замечали, что воспринимаемые у нас западные оценки социальных явлений нередко рассматриваются как реальные, тогда как там уже пересматривались или интерпретировались ущербно. Так произошло и с рядом теоретических выводов, которые осмысливались в терминах этничности.

Одним из них был вывод о том, что этничность теряет значение в условиях глобализации. Ряд последних публикаций западных ученых утверждали не только то, что этнический национализм «далек от смерти», но по-

казывали, как политики успешно используют этнические чувства для политической мобилизации, особенно в связи с антииммигрантскими настроениями [1].

Надо сказать, что исследования отечественных этносоциологов тоже не давали оснований забыть об этничности. И не только потому, что у немалой части нашего населения сохраняются этнические предрасположения и ими пользуются политики радикального направления, а в районах с постконфликтной ситуацией на Северном Кавказе сохраняется тревожащий уровень этнической мобилизации. Этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, не только остается столь же распространенной, как и десять лет назад (у 80–90% населения и более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение «сильной связи» с людьми их национальности. По данным «Европейского социального исследования» такие ощущения сохраняются более чем у 60% русских. И все это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее «миф», чем реальность. Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление «мы и другие».

Глобализация означает переток информации, и получаемые новые знания о других тоже рождает сопоставления; подпитывают чувство относительной депривации, если люди ощущают, что живут хуже других; фобии перед чем-то иным, незнакомым или наоборот желаемым, но недостижимым; и тогда тоже ищут виноватых в «своих бедах» из других стран и культур. В этих условиях этническая идентификация постоянно подпитывается. Но как? В понимании этого процесса у нас уже более десяти лет поддерживается миф, родившийся из-за искаженной интерпретации идей зарубежных теоретиков о конструировании этничности.

Известно, что у нас с трудом утверждалось понимание этничности, как конструкта. И скорее всего именно потому, что преподносилось в «том смысле, который нынче так распространен», как выразился об этом Томас Лукман в интервью главному редактору журнала «Социология и социальная антропология». У нас это воспринималось

Исчезновение этничности
в условиях глобализации –
скорее «миф», чем реаль-
ность.

как социальное конструирование этничности «этническими антрепренерами». А. Лукман говорил, что их концепция «основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида». Теоретическим обоснованием их синтеза является феноменология жизненного мира (Гуссерель, Шютц). По Шютцу же «мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью в своем социальном мире» [2].

Для П. Бергера и Т. Лукмана социальный мир – сконструированная объективность, общество – субъективная реальность [3]. П. Бурдьё, рассуждая об объективистском и субъективистском подходе, делает вывод: «... оба подхода... находятся в диалектической связи». Используя его, интерпретируем этнополе: с одной стороны, как конфигурацию социокультурных процессов, практик (структура), а с другой – как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам [4].

Таким образом, миф о возможности понимания этничности через конструктивистский подход, который сам по себе был очень важный, корректировался, а практики изучения этнически маркированной социальной реальности стали применяться там, где это было необходимо, через «конструктивистский структурализм».

Этот подход, на мой взгляд, может быть эффективным и для изучения российской идентичности. Социологическое изучение этой идентичности прежде всего сделало необходимым разделить понимание российской идентичности как государственной и гражданской идентичности [5; 6; 7]. Первая понимается как отождествление людей с государством, людьми, живущими на этом государственном пространстве; представления, переживания, связанные с этой общностью и готовностью действовать во имя нее. Гражданская идентичность – это отождествление себя именно с гражданами страны, гражданской общностью, представления о ней и переживания, связанные с этим, ответственность за судьбы людей в стране, готовность действовать в связи с этим.

У нас с трудом утвердилось понимание этничности, как конструкта. Это воспринималось как социальное конструирование этничности «этническими антрепренерами».

В одних случаях идентификация себя с Россией – это только государственная идентичность, в других – это идентификация себя с политической нацией, согражданами. Именно поэтому во время опросов мы стараемся развести эти понятия через систему идентификаторов. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации.

Ни для кого не секрет, что гражданское общество у нас еще только формируется. И акты гражданской активности [8; 9; 10; 11; 12] хотя и совершенно очевидны, но пока не массовые. Отсюда критики использования понятий «гражданская идентичность», «политическая нация» применительно к российским гражданам говорят о нашей гражданской идентичности скептически, можно сказать, как о создаваемом мифе.

Естественно, гражданская идентичность, так же как политическая Российская нация является конструктом. Но каркас этой конструкции очевидно достаточно успешный для его инициаторов [13; 14]. В ходе реализации нашего проекта «Российская идентичность в Центре и регионах» Е. М. Арутюнова, анализируя выступления В. В. Путина, показала, как наполнялся этот каркас изменяющимся идеологическим содержанием. Сравнивая мнения и установки населения по материалам наших исследований, данным «Левада-Центра», можно сказать, что основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемых людьми потребностей реальной жизни было; это – сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость за культуру и историю.

Данные «Европейского социального исследования» за 2008 г., «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ) 2006 г. показывали, что не менее 65–68% населения ощущали себя российскими гражданами. По данным исследований под руководством М. К. Горшкова, в 2009 г. с россиянами себя идентифицировало 85% опрошенных. Правда, не только данные Института социологии, но и Института этнологии и антропологии РАН, проекта «Будущее России» (на 2006 г.) показывали достаточно большое разнообразие доли людей с такой идентичностью. В каких-то районах с доминирующим русским населением с россиянами себя иден-

Основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемых людьми потребностей реальной жизни было сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость за культуру и историю.

тифицировали до 80–90% (Томск, Екатеринбург, Якутия), в других – до 70% и более (Калининград, Владивосток), а в Чеченской республике – 35%.

По мнению респондентов, «для того, чтобы считаться настоящим россиянином», важно иметь «чувство ответственности за страну» – 88%, быть патриотом, любить Россию – 88%. Причем 67% считали эти характеристики «очень важными». Свыше 80% гордились природными богатствами и более 70% – историей России. Но тем, что создается живущим поколением (образование, успехи в науке) гордились заметно меньше¹. Таким образом, есть известный потенциал формирования гражданской идентичности, в том числе критической направленности. Избавиться от мифа об отсутствии не только государственной, но и гражданской идентичности основания есть. Однако и с новыми идеями есть немалые трудности.

Тематический репертуар методологических подходов к пониманию нации за последнюю четверть века сменился, по меньшей мере, дважды. Не успело российское научное сообщество прийти к некому общему представлению о политической нации как общности граждан, как выдвинута идея возможности понимания политической нации как нации наций [15], по модели испанской нации как нации каталонцев, кастильцев, басков. Теперь еще предстоит изучить интерпретацию и восприятие такого толкования среди ученых и политиков в регионах и Центре.

Другой методологический вопрос, требующий изучения, – каков социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается российская идентичность в конкретных этнокультурных сегментах общества – среде русского большинства, других российских народов и адаптирующихся мигрантских групп. Для формирования гражданской идентичности значимым является то, насколько изживаются противопоставления групп на основе «имперского синдрома» в идеологии и психологии большинства. В то же время применительно к людям тех национальностей, которые дают название республикам, индикатором гражданской идентичности будет преодоление «постколониального синдрома» и отношение к этническим меньшинствам в республиках. Для новых же иммигрантов, желающих остаться в России, актуальной будет их готовность к политической, культурной и структурной адаптации.

¹ Данные проекта «Будущее России» 2006 г. при поддержке Иноцентра. Ресурсная группа Института социологии РАН – Л. М. Дробижева, М. Ф. Черныш, А. Е. Чирикова.

Сегментом, требующим специального рассмотрения, являются группы населения, очевидно или латентно заинтересованные в укреплении гражданской идентичности и интеграции российской общности. Это могут быть представители транснационального бизнеса, которым этноцентричная территориальная бюрократия не способствует в развитии деловых контактов; специалисты-интеллектуалы, заинтересованные в культуре без границ; это могут быть люди русской и не только русской национальности, у которых совмещается сильная этническая идентичность с сильной гражданской идентичностью. Наконец, это могут быть те адаптировавшиеся в России бывшие и новые иммигранты, для которых «не быть иными», быть просто москвичами, саратовцами, питерцами и, естественно, россиянами комфортнее.

Эти в чем-то новые подходы родились на основе анализа социальной практики, но они требуют специальной разработки.

Осуществляться она может только на конкретных группах в регионах с различной социально-политической, экономической и культурной ситуацией. Представление некоторых отечественных и западных ученых о том, что российской научной традицией является описание этносоциальных проблем (или расизма, как говорят в некоторых частях западного мира) через отношения между большими группами – «нациями» или «этносомами» – является «мифом». Такой оптический ракурс давно ушел из исследовательского поля.

Объектом изучения в этнической социологии является этническая группа в конкретном пространстве в конкретное время. И изучение идет через личность.

Возможно, оппоненты обращали внимание на то, что социологи выясняют установки на готовность к общению в разных сферах взаимодействия, отношение к представителям конкретных этнических групп. Такая традиция есть в мировой социологии, начиная со времени исследований Томаса и Знанецкого. Но, как правило, изучая установки, мы всегда ставили вопросы и о реальных ущемлениях, дискриминации по принципу этнического происхождения (при приеме на работу, на учебу, продвижении по службе, а теперь и в доступе при найме квартир и т. д.). Фиксация таких явлений как раз и дает возможность оценивать распространение избирательного отношения к людям по их этническому происхождению.

А вот в чем правы наши критики, концентрирующие внимание на проблемах «исключения», «избирательного» отношения к людям по расовому или этническому происхождению, так это в том, что в исследованиях российских ученых редко ставятся, а чаще вообще не ставятся вопросы о том, насколько «ущемления», «исключения» становятся нормой, принятой формой поведения в нашем обществе и как они характеризуют это общество.

Еще совсем недавно встретить объявление о сдаче или найме помещения с упоминанием желаемой национальности было редкостью, а теперь это наиболее частые случаи. Но, к сожалению, открыто обсуждаем мы эти явления редко.

Обсуждаются случаи насилия на этнической почве. То, что привлекают внимание к экстремистским проявлениям, естественно и необходимо для поддержания безопасности в наших городах и селах. В 2009 г., по данным «Совы», было 90 убийств на почве национальной неприязни. Это даже чуть меньше, чем в предыдущие годы, потому что судебные решения чаще стали завершаться обвинительными актами, но, в то же время, создавать представление о состоянии межэтнических отношений на основе этих экстремальных проявлений означает тоже создавать определенный миф.

Общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами. Исследовательские центры, которые работают в соответствии с международными правилами проведения социологических исследований, проводят опросы. Эти материалы и исследования Института социологии, социологов из регионов с анализом происходящих в стране событий дают возможность всесторонне оценить ситуацию в этой сложной сфере межличностных отношений.

По данным систематических опросов «Левада-Центра», негативные межэтнические установки удерживались в последние годы примерно у трети населения. Данные Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН, проводившего исследования в Москве и ряде регионов страны, фиксировали примерно такие же показатели. Хуже такие установки в отношении иммигрантов, мигрантов иной этнической принадлежности у принимающего населения. Но даже если сравнить долю людей, наиболее радикально настроенных против приема инациональных мигрантов, то в России, по данным «Европейского социального исследования», она составля-

Общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами.

ла 24–28% в 2006-2008 гг., также как в Чехии, Эстонии. Эти данные были выше, чем в Великобритании, Франции, Германии, но ниже, чем в Венгрии, Израиле, Португалии, Испании.

Но конечно не надо забывать о большом разнообразии ситуаций, в которых отношения осмысливаются в терминах этничности (национальной принадлежности).

В 2008-2009 гг. реализовывался проект «Иммигранты в России» (рук. В. И. Мукомель) через «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Репрезентативный опрос показал, что 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах. Это некая общая позиция по отношению к иному возможному конкуренту на работе или соседу по дому. Соседями как раз чаще всего не хотят видеть приезжих из Закавказья, Северного Кавказа или Средней Азии (46–48%).

Любопытно, что настроены против инонациональных мигрантов чаще всего те, кто опыта контактов с ними не имел. А вот те, кто имел дело с наймом таких работников, говорят: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». Выполнение ими работы в срок, честность, порядочность, исполнительность отмечали 73–82% респондентов, нанимавших мигрантов [16].

В последние годы за рубежом и у нас в стране обсуждается вопрос об индикаторах, фиксирующих характер межэтнических предубеждений. Существует мнение, что население, живущее в современном обществе, часто не высказывает негативного отношения к людям иной культуры, цвета кожи, поскольку в обществе осуждается избирательное и тем более враждебное отношение к ним, и граждане знают, что их вежливое поведение должно соответствовать идеалам равенства и справедливости. Именно поэтому в опросные листы помимо известной шкалы Богардуса, а иногда и вместо нее, вводятся вопросы, фиксирующие так называемые «вежливые», «тонкие» виды предубеждений [17]. Это выражается в том, что этнические предубеждения осуждаются респондентами, но ими поддерживается протест против предоставления этническим, расовым меньшинствам привилегий с целью преодоления неравенства (меньшинства, «территории с иноэтническим населением получают от государства слишком много»), оказания специальной помощи. С. Гартнер и Д. Довидно полагают, что люди на рациональном уровне могут верить

В 2008–2009 гг. 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах.

в расовое равенство и одновременно испытывать неосознаваемую неприязнь к расовым меньшинствам (аверсивный расизм) [18; 19].

Кроме того, существуют так называемые амбивалентные предрассудки. Люди имеют одновременно и позитивные, и негативные аттитюды к этническим меньшинствам. Хотя со времен Адорно мы знаем, что если люди испытывают предубеждения к людям одного этнического происхождения, в иных ситуациях они будут испытывать их к другим.

Аверсивный или амбивалентный расизм оправдывает дискриминацию каким-то иным способом, например, профессиональной непригодностью, защитой культурных ценностей, преувеличением культурных различий [17].

Остановлюсь еще на одном мифе в нашей области исследований. Предубеждения, негативные установки именуют у нас чаще всего теперь ксенофобией. Также, как некоторые другие исследователи (А. Осипов), мы считаем, что это понятие «служит дурную службу». Фобии – это страхи, психологическое состояние. Но то, что негативное отношение к иным определяется только страхами, – это тоже миф. Причем миф, который способен прикрывать истинные причины неблагополучия в обществе, которые проецируются в сферу межэтнических взаимодействий. И события на Манежной площади в Москве в связи с гибелью Свиридова 11 декабря 2010 г. только еще раз подтвердили это.

При изучении предубеждений обращение к психологическим фактам, к так называемым «тонким формам», не избавляет нас от необходимости выявить и дать оценку положения групп, находящихся в условиях жесткой эксплуатации; выявить, осмысливается ли оно в категориях этничности; оценивается ли и связано ли с этническим представительством социальное неравенство, позиции социально-профессиональных групп в конкретной городской (сельской) среде; имеет ли место социальное исключение по признаку этнического происхождения; наконец, кто попадет в ситуацию «козла отпущения»; приписываются ли людям социальные характеристики в связи с их этничностью.

Довольно сложные вопросы встают в связи с пониманием и интерпретацией дискриминации на этнической или расовой основе. Дискриминацией считается проведение различий между людьми, находящимися в одинаковом положении или имеющими одинаковые социальные харак-

теристики. При этом надо доказать, что проведение различий носило необоснованный характер. Нередко с такой ситуацией мы сталкиваемся при назначении, скажем, на престижные места в вузах (профессора, заведующие кафедрой). В индивидуальных, персональных случаях очень трудно дать обоснование дискриминационных практик, например, в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии. Но если сопоставить реальные назначения с социально-профессиональными характеристиками претендентов на протяжении нескольких лет, то можно дать объективную оценку.

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, агрессивные проявления – все в целом, мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

Социальные неравенства не уменьшаются, в них есть этническая составляющая. Но в то же время, есть опасность и расширения границ видения этнического, этническое окрашивание проблем. В последнее время особенно это было видно в намеренном завышении данных о преступлениях иммигрантов. Нельзя допускать, чтобы один чиновник во всеуслышание говорил, что у нас больше половины преступлений совершаются иноэтничными приезжими иммигрантами, а Ромадановский – директор миграционной службы – говорит официально, что только 3,5%. Преступление совершается как конкурентная «разборка», а его интерпретируют как преступление на этнической почве.

В Татарстане половина населения татары, и не все из них придерживаются исламского вероисповедания, а всю республику называют исламской. В Москву приезжает глава одной из Северокавказских республик с открытой вооруженной охраной, что само по себе не очень приятно, но в эфире говорят об оккупации Москвы северокавказцами. Стигматизация, приписывание ведут к печальным социальным последствиям. У нас вообще сместился весь фокус исследований проблем, связанных с быстрым и в 1990-е гг. значительным притоком иноэтничных мигрантов. Это явление характерно и для стран Запада. Но у нас кроме мигрантов живет в разных концах России многокультурное население. На разных конференциях, круглых столах постоянно раздаются призывы к правительству

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, агрессивные проявления – все в целом, мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

декларировать политику в отношении людей разной этнической принадлежности. Такая политика, если внимательно присмотреться, все же прослеживается. Это политика деполитизации этничности.

Это проявлялось во многих политических актах, начиная с принятия Конституции 1993 г., когда республики стали называть просто республиками, а не национальными. В 2000-х были постановления Конституционного суда, которые отменили суверенитет республик. Отмена так называемого национального компонента в школе, отказы от президентских постов в республиках РФ относятся к той же тенденции. Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы. Опыт показывает, что отмена суверенитетов и укрепление вертикали власти никаких массовых протестов не вызвали.

Изменилась и сама федеральная власть. Ее укрепление всегда способствует тому, что претензии территорий сокращаются. Какие-то из этих претензий на «этническую государственность», которые были закреплены в региональном законодательстве, не нашли подтверждения и реализации в повседневной жизни людей. Люди были разочарованы и не стали их защищать, когда центр выступил за их отмену.

В результате всех этих событий у нас произошла заметная деполитизация этничности. Но это было связано и с изменением федеративных отношений. И здесь не все было сделано рационально. Слишком высокая централизация, которая была осуществлена за счет укрепления вертикали власти, привела к тому, что наш федерализм стал просто имитационным (вспомним, в советские времена он был декларативным). Его даже не декларируют. Но постепенно и центральная власть стала осознавать минусы завышенной централизации. В последнее время ряд функций снова передан на места. Правда, средств регионам не дали, поэтому бюджетный федерализм все время трещит по швам, и все его критикуют.

Надо открыто сказать, какова будет политика в социальной, культурной сфере и, прежде всего, для людей разной этнической принадлежности, как намерено правительство реализовывать правовые нормы, имеющиеся в Конституции 1993 г. и международных документах.

Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы.

Библиографический список

1. Мюллер Дж. Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. № 3.
2. Schutz, A. *Seus commun et interpretatiouis scientifique de e'action hur naine* // *Le chercheu et le quotidien*. Paris: Meridiens – Keincksieck, 1987.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 213.
4. Бурдьё П. Начала. *Choses Dites*. М.: Sociologos, 1994. С. 159.
5. Ильин В. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
6. Дробижева Л. М. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. — М.: Издательство Института социологии РАН, 2006.
7. Дробижева Л. М. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009.
8. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. / М.: Институт социологии РАН, 2007.
9. Халий И. А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения// Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 265–280.
10. Яницкий О. Н. Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924>
11. Кинсбургский А. В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 214–230.
12. Климова С. Профсоюзы в поисках влияния // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 231–247.
13. Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. М., 1989. С. 50–59.
14. Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Минрегионразвития РФ, ИЭА РАН, 2008.
15. Тишков В. А. Россия – это нация наций. В поисках формулы. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html

16. Добрынина Е. Понаехали, понаоставались... // Российская газета № 5038, 13 ноября 2009.
17. Pettigrew, T. F. In defence of the subtle prejudice concept: a report / T.F. Pettigrew, R.W. Meertens // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 31.
18. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 170–175.
19. Биллинг М. Расизм, предрассудки и дискриминация // Биллинг М. Социальная психология. СПб.: Изд-во «Питер», 2007. С. 47–83.